

Людмила Сухоставец

г. Москва

10 февраля

(Пастернаку, в Переделкино)

Свеча стояла в кружевах –
Фитиль шипел и вдруг зачах.
Ночная мгла, окутав дом,
Окно раскрыла белым сном.
Там, за окном, стоял мороз.
Михалыч дров вязанку нес.
Скулили псы скрипуче, всласть...
А я мечтала – не пропасть.

Белел февраль, десятый день,
От сизых ёлок-чудищ тень
Ложилась на зиму волной,
Смешав изрядно снег с луной.
Звенела банка на плетне
Набатом в сонной тишине,
Чтоб облакам под звоны плыть...
А я мечтала – всё забыть.

В соседском доме был покой.
Лишь тихо доброй домовой
Шуршал в углах и по двору,
Да в печь кидал берёз кору.
Детишек сонных голоса,
В углах иконок образа...
Шёл дым, стекая по трубе...
А я мечтала – о тебе.

Из окна

Белые равнины, тени на холмах
Тихие низины, стаи белых птах.
Домики, скукожься, из холмов растут
Дни идут за днями, как дожди идут.

Кручи и кручина, краски и краса –
Русская равнина, русские леса.
Русское раздолье – ширь и благодать.
Шар скатился с неба – ночь идёт гулять.

Осень началась – не было весны,
А за нею вслед – море тишины,
А за ней зима, а за ней печаль,
Не глядеть бы мне, да взглянула вдаль.

Ах, зачем, зачем осень началась,
Сорванным листом в двери ворвалась?
Отчего болит сердце вновь о том,
Что давно прошло и покрылось льдом?

В беззастенчивых витринах, в очертаниях домов,
В людях, всполохах, вершинах, в каждом
сне – моя любовь.

Разлетелась по деревьям, кружевами
заплелась,
По теням, по измерениям, по дорогам
разбрелась.
С бахромой, что цветом в осень, с
глубиной седой зимы,
С летней детскостью раскосой из
весенней кутерьмы.
С напряжением усталым, заплелась тугой
косой,
Полилась рекой по шпалам за тобой
совсем босой.

Я не знаю в чем здесь смысл. Все
нескладно, все не в масть.
Ты прошёл. Ты встал и вышел. Я стараюсь
не упасть.

Сегодня день дождливый, скверный,
А мне так хочется опять,
Закрыв глаза, глядеть на солнце
И, замерев, под ним стоять.

А мне так хочется укрыться
От этой шумной суеты,
С многоголосьем птичьим слиться
И вспомнить сердцем, что есть ты.

Есть ты – далёкий и незримый –
С лицом весны, с глазами в дождь.
В своей игре непостижимый,
На всех на свете не похож.

Есть ты среди пустых прохожих,
Безликих глянцевых витрин.
Есть ты! Ведь ты не быть не можешь!
Есть ты. Есть только ты, один.

А Москва стоит, распята ночью,
Всюду темень, всюду благодать.
Фонарей не видно, но воочию
Видно свет, что может в ночь вращать.

Всюду неприятные светила
Головы повесили, и вот –
Под одним девчонка примостилась
И дирол без сахара жуёт.

Ждет она кого-то или что-то?
Нет уже, пожалуй, что не ждет.
Подступает смутная зевота,
Сводит от усталости живот.

И прижавшись к стали одиноко
Верит, что забрезжит новый день.
Звезд на небе нет, луна высоко,
Лишь фонарь отбрасывает тень.
«Папа, а я казяла,
что не пойду домой!»

Машет Таня руками,
потешно являя злость, -
так папу она ругает
за несговорчивость.